

© 2006 г.

В. И. Гуляев

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СКИФОЛОГИИ (По материалам археологии Подонья)*

Многие исследователи отмечают, что в настоящее время в скифологии сложилась довольно парадоксальная ситуация. Несмотря на более чем двухвековые археологические раскопки скифских курганов и поселений, несмотря на большие достижения по изучению скифов историками, лингвистами, представителями естественных наук, основные проблемы скифологии остаются либо не решенными, либо остро дискуссионными. Это касается происхождения скифов и их культуры, этнокультурной принадлежности населения восточноевропейской Степи и Лесостепи в VI–III вв. до н.э., размещения скифских и нескифских племен на современной географической карте, характера скифского общества и уровня его развития, истоков и семантики искусства звериного стиля, причин гибели Скифии и др.

Поэтому дискуссия по ряду крупных проблем истории скифов на основе археологических материалов Подонья в рамках международного «Круглого стола» на страницах ВДИ в 2002–2003 гг. оказалась своевременной и полезной. В обсуждении приняли участие специалисты-археологи, прямо связанные с изучением древностей Подонья раннего железного века: В.Д. Березуцкий (Воронеж), В.И. Гуляев (Москва), В.П. Копылов (Ростов-на-Дону), В.А. Коренько (Москва), В.Е. Максименко (Ростов-на-Дону), А.П. Медведев (Воронеж), А.С. Скрипкин (Волгоград). Дискуссия была открыта статьей В.И. Гуляева (см. ВДИ. 2002. № 1), в которой в полемической форме были изложены взгляды автора на некоторые общие вопросы скифологии. Прежде всего дается объяснение, почему для анализа привлекаются археологические материалы Среднего и Нижнего Дона. Дело в том, что основным поставщиком новой информации по скифской проблематике всегда были и остаются раскопки скифских могильников и поселений. Однако на территории Российской Федерации памятники «европейских скифов» V–IV вв. до н.э. можно непосредственно изучать только на Среднем и Нижнем Дону. И хотя земли, лежащие по Дону (Ганаису), были лишь далекой восточной окраиной Скифии (а она включала в себя огромную территорию, от Дуная – на западе, до Дона – на востоке), местные древности раннего железного века дают богатый материал и для решения ряда крупных вопросов общескифского значения. Это прежде всего вопрос об этнокультурной принадлежности населения Среднего и Нижнего Дона в V–IV вв. до н.э. и вытекающий из него более широкий вопрос – входила ли Лесостепь Северного Причерноморья в состав Скифии (Скифского государства или военно-политического объединения), жили ли там ираноязычные скифы (речь не идет об их численности, а только о присутствии в

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Автор рассматривает эту статью как заключительную в данной дискуссии.

качестве господствующего элемента) или же Лесостепь принадлежала «нескифским» племенам, упомянутым Геродотом.

Начав со Среднего Дона и отметив поразительный разноречивый мнений ученых по поводу этнокультурной принадлежности местного населения в середине I тысячелетия до н.э., я привел ряд аргументов в пользу того, что в данном регионе, входившем в качестве составной части в Скифию, обитали и скифы-иранцы и независимо от их реальной численности именно они были здесь господствующей силой. При этом мною было предложено вернуться к старой (начала XX в.), но, как оказалось, вполне дееспособной концепции М.И. Ростовцева о вхождении степных и лесостепных областей Северного Причерноморья в VI–III вв. до н.э. в состав Скифского государства, в котором ираноязычные скифы-кочевники держали под контролем все прочие народы и племена¹. Одновременно этот выдающийся русский ученый подчеркнул глубокое сходство (можно сказать родство) аристократических погребений (с их богатейшим инвентарем, в том числе и с «престижными», социально значимыми вещами) скифского времени в степной и лесостепной частях Европейской Скифии (включая Средний Дон)². Далее, ссылаясь на исследования ростовских (В.П. Копылов, В.Г. Житников) и петербургских (И.Б. Брашинский, К.К. Марченко) ученых, я пришел к выводу о скифской принадлежности древностей Нижнего Дона в V–IV вв. до н.э. и об их большом сходстве (если не родстве) со среднедонскими памятниками того же периода.

Аналогичная процедура – сопоставление погребальных комплексов – была осуществлена и для обширного региона Приднепровской лесостепи, прилегающей к Среднему Дону с запада. Ранее (Б.Н. Граков) и сейчас (А.П. Медведев) высказывалось мнение о ближайшем родстве культур скифского времени.

Все вышесказанное позволило мне предположить, что во всех этих случаях речь идет не только о торговых и культурных связях населения Среднего Дона с другими областями Скифии, но и о полном совпадении субкультуры аристократической и военно-дружинной верхушки всех регионов степи и лесостепи Северного Причерноморья, входивших, вероятно, в состав скифского государственного объединения. На мой взгляд, столь богатый природными ресурсами и необычайно важный в стратегическом отношении такой регион, как Подонье (восточная граница Скифии, перекресток многих международных торговых путей), в V–IV вв. до н.э. постоянно находился в сфере пристального внимания верховных правителей Скифии и входил в пределы ее границ.

Вполне естественно, что первыми на появление моей статьи откликнулись воронежские археологи А.П. Медведев и В.Д. Березуцкий, поскольку у них совершенно иные, во многом совпадающие между собой взгляды на этнокультурную ситуацию на Среднем Дону в скифскую эпоху. К тому же концепция А.П. Медведева, наиболее полно изложенная в его монографии³, подверглась мною довольно жесткой критике (см. ВДИ. 2002. № 1).

Суть позиции воронежских коллег в следующем. По их словам, курганных групп скифского времени на Среднем Дону известно сейчас всего лишь семь (напомню, что речь идет только об исследованных, а во многом и почти полностью раскопанных могильниках V–IV вв. до н.э.) и общее количество изученных там скифских курганов составляет 180 (за более чем столетнюю историю раскопок). С другой стороны, как отмечают упомянутые исследователи, в среднедонском регионе выявлено к настоящему времени до 60 городищ и 300 селищ раннего железного века. Исходя из этого, по их

¹ *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 35–38.

² Там же. С. 50–53.

³ *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. М., 1999. На самом деле таких курганных некрополей известно в настоящее время, как минимум, девять; если двигаться с севера на юг по региону Среднего Дона, то это группы курганов у с. Староживотинное, Частые курганы у северной окраины г. Воронежа, у с. Мастюгино, у хут. Дубовый (Урыв-Покровка), у сел Терновое, Колбино, Русская Тростянка, Б. Стояново, Дуровка и Горки.

мнению, явного дисбаланса между большой численностью населения, жившего на поселениях, и малым числом известных захоронений в курганах, А.П. Медведев и В.Д. Березуцкий делают вывод, что «сравнительный анализ материалов курганов и городищ свидетельствует о сосуществовании на Среднем Дону... двух различных социо-, а возможно, и этнокультурных комплексов: низовой культуры рядового населения городищ и элитарной субкультуры военно-аристократической верхушки, погребенной в курганах»⁴. Соответственно первая культура («культура городищ») принадлежала, по мнению воронежского ученого, будинам по Геродоту (их А.П. Медведев именует оседлыми земледельцами и скотоводами), а вторая («культура», или точнее «субкультура курганов») – «скифоидным гелонам» (полукочевникам – иранцам по языку и по идеологии). Естественно, что скифам на среднедонской земле уже не останется места. Всю территорию Подонья А.П. Медведев отводит трем культурам и этносам, известным по сочинению Геродота: в степях за Доном и по Нижнему Дону – савроматы, на Среднем Дону – будины и гелоны, а в Верхнем Подонье – тиссагеты (утро-финны, носители городищской культуры)⁵.

В качестве предварительного замечания, хотелось бы отметить, что сопоставление общего количества синхронных поселений и могильников в той форме, в какой это делают А.П. Медведев и В.Д. Березуцкий⁶, неправомерно и некорректно. Дело в том, что культурную принадлежность и приблизительный возраст поселений можно легко определить уже по подъемному материалу или путем шурфовки, без больших раскопок, а курганы всех эпох надежно хранят свои тайны до тех пор, пока их не исследуют целиком. Вот и получается, что, с одной стороны, берутся все зафиксированные (но в основном по «подъемке») поселения РЖВ (и их несколько сотен), а с другой – 180 раскопанных курганов того же времени. На самом деле курганов (в том числе и скифской эпохи) на Среднем Дону гораздо больше. Несмотря на то что почти все курганные некрополи Центрального Черноземного региона интенсивно разрушаются и уничтожаются многолетней пахотой и различными видами другой хозяйственной деятельности, даже сейчас можно смело довести общее их число до нескольких тысяч, к тому же значительную их часть составляют могильники раннежелезного века.

Выдвигая тезис о принадлежности среднедонской культуры скифского времени будинам и гелонам, А.П. Медведев ссылается на труды Б.Н. Гракова и П.Д. Либерова. Однако ни тот, ни другой никогда не говорили о том, что культура и этнос обитателей городищ и людей, похороненных в курганах, различны. Подобного мнения (о единстве культуры городищ и курганов) придерживается и А.И. Пузикова – один из ведущих специалистов по поселенческим комплексам Среднего Дона в скифскую эпоху⁷. И пока воронежские археологи с фактами в руках не опровергнут тезис о единстве культуры поселений и могильников скифского времени в рассматриваемом регионе, данный вывод остается в силе. К тому же, помещая будинов в Среднедонскую область, А.П. Медведев ничего не говорит об их этносе и о том, где же искать их многочисленные захоронения (а таковые нам пока неизвестны). Напомню, что по воле А.П. Медведева, вопреки свидетельству Геродота, кочевники-будины, «поедатели сосновых шишек», стали оседлыми земледельцами и скотоводами, а «выходцы из портовых эллинских городов» и явные земледельцы-гелоны превратились в «скифоидных» ираноязычных скотоводов-кочевников.

⁴ Медведев А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону // ВДИ. 2002. № 3. С. 158.

⁵ Там же. С. 159–160.

⁶ Березуцкий В.Д. «Скифы на Среднем Дону» и некоторые вопросы интерпретации археологических источников // ВДИ. 2002. № 4; он же. Погребальный инвентарь из курганов скифского времени лесостепного Дона и вопрос об этнокультурном сходстве и единстве // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004. С. 193.

⁷ Пузикова А.И. Городища и курганные могильники Среднего Подонья: К вопросу об их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.

Второй контраргумент воронежских коллег состоит в том, что они категорически не согласны со значительной близостью (а тем более с родством) культуры населения Среднего и Нижнего Дона в V–IV вв. до н.э. В.Д. Березуцкий практически отрицает сходство вещевых комплексов на Нижнем Дону, таких, как курганы у Кашеевки, Сладковской, Елизаветовской и у хут. Шолоховского, со среднедонскими и ссылается на то, что в наиболее полно исследованном Елизаветовском могильнике (в дельте Дона) в погребениях нет столбовых конструкций и дромосов, а численно преобладают узкие неглубокие могильные ямы, перекрытые не деревом, а камышом⁸. Еще один его довод – подчеркивание огромной локальной специфики среднедонской культуры скифского времени, которая выражалась в наличии зооморфных металлических поясных застёжек-крючков, преобладании в колчанных наборах железных наконечников стрел над бронзовыми, «рюмкообразных» втоков копий и дротиков, особого, заметно отличающегося от скифского звериного стиля в искусстве.

Что касается моей позиции, то в своей статье я попытался показать, что все приведенные мною нижнедонские параллели и по погребальному обряду, и по набору инвентаря (наличие смешанных, бронзовых и железных, наконечников стрел в колчанах, «рюмкообразные» втоки копий и дротиков и металлические зооморфные застёжки-крючки с изображениями медведей и орлиноголовых грифонов) необычайно близки находкам из воронежских курганов. А Елизаветовский могильник получил свою специфику в устройстве погребальных сооружений только в силу особых местных природных условий (отсутствие больших лесных массивов и очень высокий уровень подпочвенных вод – что и предопределило неглубокий характер могильных ям и перекрытие их не деревом, а имевшимся здесь в изобилии камышом). Кстати, в отдельных, особо важных случаях, «елизаветовцы» все-таки сооружали подкурганые гробницы со столбовыми конструкциями. Известно по крайней мере два таких случая.

Что же касается большого сходства среднедонских и нижнедонских вещевых комплексов и погребального обряда, то этот тезис впервые в 1970-е годы выдвинул еще К.Ф. Смирнов⁹, а сейчас данной точки зрения придерживаются В.П. Копылов¹⁰ и В.Е. Максименко¹¹.

И наконец, самое главное возражение моих воронежских оппонентов состоит в том, что они полностью отрицают возможность использования «престижных» вещей и субкультуры военно-аристократической верхушки скифов для решения ряда крупных общескифских проблем: наличие государства у скифов Северного Причерноморья, взаимоотношения населения степной и лесостепной зон Евразийской Скифии и др.¹² Больше того, В.Д. Березуцкий даже приписал мне довольно странное и нелепое высказывание: будто бы и в степных, и в лесостепных областях Северного Причерноморья жили одни только скифы и будто бы я доказываю этот тезис, опираясь лишь на сходство «престижных» вещей из элитарных погребений на всей огромной территории Скифии, от Дуная до Дона¹³. Ничего подобного я никогда не говорил. Вслед за М.И. Ростовцевым и А.И. Тереножкиным я считаю, что по крайней мере в V–IV вв. до н.э. на всей указанной обширной территории степи и лесостепи существовало военно-политическое объединение – единая Скифия, в состав которой входили различные народы и племена, но контроль над ними находился в руках ираноязычных скифов. Кстати, именно с этим высказыванием согласен и В.Д. Березуцкий. «Следует согласиться, – пишет он, – с мнением В.И. Гуляева о возможности существования в степной и лесостепной зонах единого во-

⁸ Березуцкий. «Скифы на Среднем Дону»... С. 144.

⁹ Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1983. С. 27–28.

¹⁰ Копылов В.П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. С. 164–165.

¹¹ Максименко В.Е. Сарматы на Дону // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998.

¹² Медведев. Античная традиция... С. 161; Березуцкий. «Скифы на Среднем Дону»... С. 140.

¹³ Березуцкий. «Скифы на Среднем Дону»... С. 137–140.

енно-политического объединения, где скифы-иранцы занимали господствующее положение...»¹⁴. Ничего большего я не утверждал. Безусловно, в Среднем и Нижнем Подонье жили не только скифы, но и другие этнические группы, что вполне естественно, учитывая пограничное географическое положение данного региона в скифскую эпоху и соседство с такими крупными этнокультурными массивами, как угро-финны, меоты, савроматы-сирматы и др. Однако если мы признаем факт существования единого государства – Скифии, то и присутствие самих скифов-иранцев (об их количестве здесь речь не идет; они были господствующей и контролирующей силой в этом регионе) также представляется вполне реальным. Что касается Нижнего Дона, то об этом прямо говорит Геродот, подтверждавший, что владения «скифов-царских» доходили до нижнего течения Танаиса-Дона. Признает данный факт и А.П. Медведев, отмечая, что Елизаветовский могильник в донской дельте и особенно его курганная группа «Пять братьев» «действительно по ряду показателей близки грандиозным степным усыпальницам скифских парей»¹⁵. Но для Среднего Дона присутствие каких-то групп скифов и наличие там подкурганных «грандиозных усыпальниц», сходных с курганами степной Скифии, он решительно отрицает.

О скифской принадлежности нижнедонского Елизаветовского городища V–IV вв. до н.э. писали И.Б. Брашинский и К.К. Марченко¹⁶. Скифам приписывают Елизаветовский курганный могильник К.К. Марченко, В.Г. Житников и В.П. Копылов¹⁷. А.И. Мелюкова также считала, что «наиболее убедительной представляется гипотеза о скифской принадлежности Нижнедонской группы археологических памятников...»¹⁸.

Присутствие скифов на Среднем Дону приходится отстаивать в острой полемике с оппонентами, которые относят местные древности скифского времени то к будинам и гелонам (П.Д. Либеров, А.П. Медведев), то к меланхлсам (И.В. Куклина), то к савроматам (В.Е. Максименко). И самый «убийственный» аргумент против присутствия скифов на Среднем Дону – это большая разница в погребальных традициях: жители среднедонского региона хоронили своих умерших в подкурганных ямах с деревянными конструкциями, а степные скифы – в катакомбах¹⁹.

Итак, скифы не могли обитать на Среднем Дону, по мнению воронежских археологов, по целому ряду весомых причин: ярко выраженная локальная специфика местной культуры, невозможность использования «престижных» вещей из курганов аристократии степи и лесостепи в качестве доказательства существования единой Скифии, глубокие различия в погребальном обряде (ямы с деревом – в лесостепи, включая Средний Дон, и катакомбы у степных скифов), отсутствие «этнокультурного лица» у знаменитой скифской «триады» (предметы вооружения, конской сбруи и звериного стиля), ее синкретический, наднациональный и надкультурный характер.

Прежде всего мне хотелось бы напомнить, что гипотеза о присутствии скифов-иранцев на Среднем Дону была впервые изложена и обоснована М.И. Ростовцевым в начале XX в.²⁰ Такой же точки зрения придерживались многие другие известные российские археологи – В.А. Городцов, А.А. Спицын, Н.Е. Макаренко, С.Н. Замятин. В 1950–80-е годы тезис о единой Скифии как военно-политическом объединении, включавшем

¹⁴ Там же. С. 142.

¹⁵ Медведев. Античная традиция... С. 160.

¹⁶ Брашинский И.Б., Марченко К.К. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 27.

¹⁷ Копылов В.П. Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII–IV вв. до н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 18–23.

¹⁸ Мелюкова А.И. Скифы и нескифские племена степи и лесостепи Восточной Европы в VII–III вв. до н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 46.

¹⁹ Медведев. Античная традиция... С. 161; Березуцкий. «Скифы на Среднем Дону»... С. 141.

²⁰ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 34–53.

в свои границы как степные, так и лесостепные области Северного Причерноморья, упорно защищал А.И. Тереножкин. Он считал неправомерной господствующую в те времена концепцию Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой, «разделивших» в 1952 г. единую прежде Скифию на «скифскую» степь и «нескифскую» лесостепь, резко отличавшихся друг от друга по погребальному обряду, типам поселений, керамике и украшениям. По мнению А.И. Тереножкина, эти авторы явно недооценили «руководящего значения таких важнейших в условиях скифского подвижного военного быта категорий, какими являются оружие, конский убор и звериный стиль. Ведь их определяющая роль видна прежде всего в том, что они послужили главным основанием при установлении круга культур скифского типа Евразии. Во всех этих культурах вещи такого рода действительно сходны, но в то же время каждая из них достаточно своеобразна как по общему характеру, так и по составу наборов и особенностям звериного стиля. Наличие аналогий может в отдельных случаях затруднять решение частных вопросов, но не влияет на определение характера различных культур... Комплекс подобных предметов из курганов Причерноморья не смешивается ни с ананийским, ни с савроматским... Очевидно, что без надлежащего учета и самого широкого использования предметов вооружения, конского убора и звериного стиля, т.е. всего того, что составляет массовый, а очень часто и единственный материал степных и лесостепных гробниц, не может решаться ни один из аспектов скифской проблемы вообще, не может решаться и вопрос о скифской культуре. Факт широкого распространения такого рода вещей никак нельзя расценивать иначе, чем прямое подтверждение существования культурного единства населения степной и лесостепной Скифии...»²¹.

Таким образом, крупнейший скифолог А.И. Тереножкин совершенно определенно заявляет: «триада» не только объединяет ряд культур Евразии скифской эпохи, но каждая из таких «провинций» скифо-сибирского мира четко выделяется на фоне остальных благодаря своим характерным чертам. Вот почему и причерноморская Скифия (включая степные и лесостепные области) достаточно четко отделима от своих соседей на востоке.

Обратимся теперь к погребальному обряду – важнейшему этнокультурному признаку любого древнего населения (ямы с деревянными конструкциями в лесостепи и катакомбы в степи). Как отмечает А.И. Тереножкин, древесно-земляные столбовые гробницы в прямоугольных ямах или на подкурганной поверхности, иногда с дромосами, в ряде случаев частично поджигаемые или сжигаемые, характерны для захоронений в лесостепи в V–IV вв. до н.э. Но, ведь, «все архаические погребения Скифии тоже были именно такими», – пишет он далее²².

Действительно, на протяжении всего раннего периода истории скифов (VII–VI вв. до н.э.) единственным типом погребальных сооружений были подкурганные захоронения в простых ямах с деревянными конструкциями. Первые (первичные, а не впускные) катакомбы в скифских степных курганах появляются в V в. до н.э., а широкое распространение получают в IV в. до н.э.²³ Чем же объяснить в таком случае столь резкую перемену в погребальном обряде населения степной части Северного Причерноморья в конце V – IV в. до н.э. (переход от ям с деревянными конструкциями к катакомбам)? Ведь хорошо известно, что серьезные трансформации в типах погребальных сооружений и в ритуале связаны либо с коренными изменениями в идеологии, либо с приходом новых групп мигрантов. Прежде всего хотелось бы напомнить, что если мы примем тезис о том, будто «истинными» скифами могут считаться лишь те, кто погребен в катакомбах, то мы лишаем скифской принадлежности все памятники эпохи архаики (VII–VI вв. до н.э.) в при-

²¹ Тереножкин А.И. Скифская культура // МИА. 1973. 177. С. 17–18.

²² Там же. С. 18.

²³ Правда, три примитивные катакомбы (скорее даже подбой) со скудным рядовым инвентарем относятся к VI в. до н.э. Они были впускными в курганы эпохи бронзы (см. Мурзин В.Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII–V вв. до н.э. // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 51).

черноморских степях и на Северном Кавказе. Однако о пребывании здесь скифских кочевых племен недвусмысленно сообщают античные авторы и особенно Геродот.

Здесь уместно напомнить, что, став в IV в. до н.э. в степной Скифии господствующей формой погребальных сооружений, катакомбы отнюдь не вытеснили целиком и более древний скифский обряд захоронения в ямах с деревянными конструкциями. Сошлюсь на Талаевский курган в степном Крыму (входивший в территорию, принадлежавшую «скифам-царским»). Высота его – 3,2 м. Погребение было совершено в грунтовой яме, облицованной по стенам и перекрытой деревом (размеры гробницы 3,9 × 1,8 × 2,1 м). Внутри находился скелет мужчины, явно принадлежавшего к скифской знати. Инвентарь состоял из массивной золотой гривны с головками львов на концах, золотого кольца, серебряного перстня, набора вооружения, включающего бронзовый панцирь и боевой пояс с бронзовыми бляшками, бронзовый греческий шлем, секиру с рукоятью, обвитой золотой лентой, колчан со стрелами, точильный брусок в золотой оправе, два железных наконечника копий, из напутственной пищи в виде костей животного, железного ножа и питья в трех греческих амфорах, чернолакового сосуда, греческого кувшинчика, ритона из рога оленя, оправленного в серебро. Весь этот комплекс датируется второй половиной IV в. до н.э.²⁴

На берегу Днепра, в степи, у с. Большая Знаменка, Д.Я. Самоквасов в скифском кургане конца V в. до н.э. обнаружил погребение в грунтовой яме, «по углам которой зафиксированы ямки от столбов, а вдоль стен выявлены канавки, в которых, вероятно, первоначально были вертикально поставлены доски, облицовывавшие стенки могилы»²⁵. В данном случае мы имеем дело со столбовой гробницей, конструкция которой имеет широкие аналогии в курганах лесостепи. Еще одна столбовая подкурганная гробница зафиксирована в степной зоне у г. Орджоникидзе в Первой Завадской Могиле. Она сооружена в обширной яме размерами 5 × 5 × 4,2 м. Сохранились остатки деревянного перекрытия, угловых столбов и облицовки стен досками. Дата – IV в. до н.э.²⁶

Замечательным скифским степным памятником является и курган V в. до н.э., раскопанный, правда, на границе степи и лесостепи, у с. Медерево на Кировоградчине. Погребение совершено в десятистолбовой деревянной гробнице, сооруженной на уровне древнего горизонта и сожженной после совершения захоронения. Сохранились радиально положенные бревна, очевидно, остатки шатровой конструкции²⁷. Итак, чем же объясняется господство катакомб в причерноморской степи у поздних скифов?

По мнению В.Ю. Мурзина, катакомбы – это местное изобретение, появившееся еще в доскифский период, существовавшее в зародыше в VI в. до н.э. и получившее широкое распространение в IV в. до н.э.²⁸ Однако без дополнительной аргументации это предположение выглядит не совсем убедительным. Существует также гипотеза, согласно которой в конце VI – начале V в. до н.э. в степи Северного Причерноморья пришла новая (родственная скифам) волна кочевников-иранцев, которые сумели захватить контроль над Скифией и навязать большей части ее населения свои идеологические установки, в том числе и погребальный ритуал²⁹. Однако в лесостепи (включая Средний Дон) и в степной части Нижнего Дона сохранилась старая традиция – хоронить умерших в подкурганных ямах с деревянными конструкциями. Убедительно объяснить столь резкую смену формы погребений в степной части Северного Причерноморья и продолжение прежних обрядов в лесостепи пока не удалось никому.

²⁴ ОАК. 1891. С. 76; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия в VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 158.

²⁵ Самоквасов Д.Я. Могилы Русской Земли. М., 1908. С. 123.

²⁶ Мозолевский Б.Н., Михальская Т.С., Рябова В.А. Раскопки на Днепропетровщине // АО за 1973. М., 1974. С. 311–315.

²⁷ Бокий Н.М. Скифский курган у с. Медерево // СА. 1974. № 4.

²⁸ Мурзин. Погребальный обряд... С. 55.

²⁹ Эта гипотеза хотя и не в прямой форме прослеживается в работах А.Ю. Алексеева.

Весьма показателен в этом плане и феномен Бориспольских курганов в районе Киева. В начале 1960-х годов А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская раскопали около 30 курганов IV в. до н.э. в 55 км к востоку от столицы Украины, между Борисполем и Переяслав-Хмельницким. В этих местах отмечены большие курганные поля скифской эпохи, где в раннее время преобладали захоронения в ямах с деревянными конструкциями и с культом огня в погребальном ритуале, а с IV в. до н.э. в пределах единых курганных групп сосуществуют захоронения в ямах с «деревом» и в катакомбах стенового типа с абсолютно одинаковым инвентарем и без какого-либо территориального размежевания. Набор вещей в этих могилах чисто скифский: предметы вооружения, конский убор и произведения искусства. «Произведенные раскопки, – отмечает В.А. Ильинская, – интересны во многих отношениях. Выясняется, что скифские курганы IV в. до н.э. здесь (т.е. в лесостепи. – В.Г.) довольно обычны и концентрация их не меньше, чем в степи. Курганы эти отличаются от памятников VI–V вв. до н.э., известных на упомянутой территории, и находят ближайшее соответствие в курганах степной кочевой Скифии. Возникает вопрос, не являются ли погребения в ямах могилами какой-то иной группы населения, связанного с земледельческими племенами Лесостепи? Нам представляется, что это не так. Погребения в ямах и катакомбах одновременны. И там, и здесь встречаются одинаковая античная керамика и одинаковые золотые украшения. Территориально они не разграничены. И там, и здесь преобладает одна (широтная. – В.Г.) ориентировка... Кроме того, как известно, в степной Скифии имеется (даже в IV в. до н.э. – В.Г.) немало погребений в ямах, в том числе в ямах с деревянными склепами... Не приходится говорить, что обнаружение скифских степных некрополей на широте Киева у границ Полесья – явление новое и неожиданное... Теперь мы можем говорить, что в IV в. до н.э. скифские кочевые племена, продвигаясь вдоль левого берега Днепра, доходили до границ Полесья и не только доходили, но и освоили эти места в качестве постоянных кочевий, о чем свидетельствует количество скифских курганов... В данном случае граница проникновения скифов на север полностью совпадает с пределами северного ареала Скифии, подтверждая, что военное и политическое господство кочевых скифов распространялось на область лесостепной полосы...»³⁰.

Немало полезной информации и плодотворных идей содержится и в фундаментальной монографии одного из ведущих отечественных скифологов А.Ю. Алексеева³¹. Он (как и А.И. Тереножкин) считает, что при определении скифской культуры не следует сбрасывать со счетов большой информативный потенциал «триады». «По сути дела, – пишет А.Ю. Алексеев, – «скифская триада» подчеркивала лишь единство в образе жизни, не препятствуя выделению отдельных вполне самостоятельных «скифских» культур. В определенном смысле именно объединение многих культур в географических рамках распространения «триады» позволило лучше понять их особенности и самобытность... К «скифской триаде» добавляется еще два признака: бронзовые литые котлы и диско-видные зеркала. И по мере этого расширения все более очевидными становились два диалектических обстоятельства: с одной стороны, несомненное единство культур «скифского» мира Евразии, а с другой – их глубокие индивидуальные (этнические, культурные) особенности...»³². Тем самым А.Ю. Алексеев признает факт «скифизации» Приднепровской Лесостепи, начиная со второй половины VII в. до н.э., когда в указанном регионе «фиксируется проникновение кочевого (и, как считают некоторые исследователи, иранского) этнического компонента»³³. Но одна из главных идей ученого состоит в том, что на рубеже VI и V вв. до н.э. в Европейской Скифии произошли важные качественные изменения как в культуре, так и в социально-политическом отношении, что было связано, вероятно, с приходом с востока в Причерноморские степи новой вол-

³⁰ Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // СА. 1966. № 3. С. 165–166.

³¹ Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.

³² Там же. С. 40.

³³ Там же. С. 117.

ны кочевников, родственных скифам³⁴. Не объясняет ли это и феномен широкого распространения катакомб в причерноморских степях в V–IV вв. до н.э.?

В последние годы целый ряд важных работ по скифской тематике опубликован украинскими коллегами. Прежде всего это весьма содержательная и новаторская по духу монография С.А. Скорого³⁵, который уже давно и плодотворно работает над вопросами этнокультурной истории лесостепного региона (Приднепровско Правобережья), развивая положения, высказанные еще в начале XX в. М.И. Ростовцевым. Являясь сторонником идеи прихода в Лесостепь уже в раннескифское время скифов-иранцев, свидетельством чего является распространение в этом лесостепном регионе всаднической культуры, он уделяет особое внимание выделению из общей массы погребальных памятников скифской эпохи в данном регионе собственно скифских захоронений.

Не трудно заметить, что перед С.А. Скорым в процессе его исследований стояли те же проблемы, которые приходится решать и нам – тем, кто работает с материалами раннего железного века в Среднем Подонье. Общая оценка автором ситуации, сложившейся в скифологии по данному вопросу (этнокультурная принадлежность населения Лесостепи в VII–III вв. до н.э.), выглядит вполне убедительной и взвешенной. «Одни исследователи, – пишет он, – традиционно пытаются объяснить феномен широкого распространения культуры скифского облика в лесостепном регионе и на Правобережье в частности с позиций известного тезиса о “культурном влиянии”, идущем из “скифской” Степи в Лесостепь, что в свете современных научных данных не может быть признано убедительным.

Иные авторы, не вдаваясь в анализ конкретных, прежде всего археологических материалов, рассуждают о повсеместном заселении Правобережной Лесостепи скифами-иранцами, что также выглядит весьма легковесным и вряд ли заслуживающим доверия.

Наконец, существует третий подход к данной проблеме, суть которого заключается в дифференцированной оценке лесостепных древностей скифского типа с целью выявления памятников собственно скифов и тех, что оставлены автохтонным населением региона, испытавшим в той или иной степени влияние скифской всаднической культуры. Я принадлежу к сторонникам именно подобного подхода»³⁶.

Вопреки стремлению моих воронежских оппонентов А.П. Медведева и В.Д. Березуцкого, приписать меня к сторонникам второго подхода, я целиком и полностью отстаиваю позиции, высказанные С.А. Скорым. Я никогда не говорил, что на Среднем Дону жили только скифы. Мой главный тезис состоит в том, что местные курганные комплексы V–IV вв. до н.э. принадлежали скифам-иранцам, установившим в это время свой контроль над этой областью Лесостепи. Что касается автохтонного среднедонского населения, то пока никаких ощутимых «археологических» следов его присутствия мы здесь не наблюдаем. Могильники «аборигенов» не известны. Предположение А.П. Медведева о том, что «автохтоны»-будины обитали на среднедонских городищах и в селищах, оспаривается известным специалистом по поселенческим памятникам данного региона А.И. Пузиковой³⁷, доказывающей общий характер культуры обитателей городищ и людей, похороненных в курганах.

Тем не менее, следуя методическим разработкам С.А. Скорого, хочу вновь обосновать свой вывод о присутствии на Среднем Дону в качестве господствующего элемента определенных групп скифов-иранцев и о том, что этот регион входил в военно-политическое объединение, именуемое «Европейской Скифией». Большинство ученых (в том числе А.П. Медведев и В.Д. Березуцкий) считают, что для этнокультурных определе-

³⁴ Там же. С. 172–184.

³⁵ *Скорый С.А.* Скифы в днепровской правобережной лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.

³⁶ Там же. С. 6.

³⁷ *Пузикова А.И.* Городища скифского времени Среднего Подонья и Курского Посеймья // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.

ний в археологии принципиальное значение имеет погребальный обряд, а точнее его сохранившиеся материальные остатки. «Изучение скифского погребального ритуала степной части Северного Причерноморья, – отмечает С.А. Скорый, – свидетельствует, что значительная (если не большая) часть составляющих его элементов присуща в целом похоронному ритуалу кочевников евразийской Степи VII–III вв. до н.э. и является “общеиранским достоянием”. Последнее объясняется близостью идеологических представлений ираноязычных номадов и сходными формами их материального выражения...»³⁸.

Эти общеиранские кочевнические элементы погребального обряда таковы: подкурганый обряд погребения, захоронения в ямах и на горизонте, наличие деревянных конструкций в ямах, постройка деревянных гробниц на поверхности, в том числе шатровидных конструкций обширных размеров, поджигание деревянных сооружений, культовый ровик, вал, кромлех в основании кургана, использование в насыпи дерновых плиток или вальков, покрытие кольцевого вала вокруг могилы деревом, камышом и травой, вариации положения погребенных, помещение в могилу мясной налутственной пищи, конская упряжь, бронзовые котлы, каменные блюда и плитки, деревянные настилы, ложа, колоды, гробовища, подушки из травы, меловая подсыпка, сера, реальгар³⁹.

На основе материалов степной Скифии (преимущественно поздних – конца V – IV в. до н.э.) С.А. Скорый выделяет в этом общем списке и чисто скифские этнические признаки, добавляя к ним ряд новых. Таковыми он считает использование при строительстве насыпи кургана дерновых пластов-вальков, обычай втыкать в дно и стены могилы различные предметы вооружения, установку на курганах каменных антропоморфных изваяний, помещение в могилу металлических шумящих наверхий и т.д. «По сути, этнографической деталью, свойственной, прежде всего, степным скифам, находящей отражение в похоронном ритуале, являются деревянные чаши с обивками из драгоценных металлов (чаще всего золота). Данные погребальных памятников свидетельствуют, что такие сосуды являлись атрибутами богатых мужских воинских захоронений и, несомненно, имели культовое назначение. Ареал их по сравнению с иными элементами скифской культуры узок: помимо степного Северного Причерноморья, где найдено их большинство, они известны в основном в украинской Лесостепи... и в древностях скифской поры Среднего Дона»⁴⁰.

Другие, чисто скифские степные, по мнению украинского ученого, черты погребального обряда, которых определенно нет в курганах Среднего Дона, я кратко перечислю ниже: конские захоронения в отдельных могилах, погребальные дорожки, выложенные травой, катакомбы, помещение покойника на разостланном доспехе⁴¹. Хорошо известно, что большинство исследователей считает, что универсальные, общеиранские признаки погребального обряда, взятые в отдельности в рамках евразийского степного региона, не могут служить основанием для этнических дефиниций. Однако, как справедливо отмечает С.А. Скорый, «совсем иное дело – области оседлости и рассматриваемый лесостепной регион, где появление подобных черт обряда, особенно их совокупность, вряд ли можно объяснить каким-либо заимствованием. Можно полагать, что они маркируют проникновение степного иранского населения – носителей скифской культуры»⁴².

Тем не менее исследователь считает, что многие из чисто степных скифских этнических признаков фиксируются и в лесостепи. Здесь есть, правда, ряд вопросов. Использование пластов дерна при сооружении курганных насыпей прослежено, как правило, лишь при раскопках больших курганов высшей скифской знати. На Среднем Дону, где все курганные насыпи сильно повреждены и деформированы многолетней распашкой, этот элемент не прослеживается. Антропоморфные каменные изваяния наверняка при-

³⁸ Скорый. Ук. соч. С. 46.

³⁹ Там же. С. 46.

⁴⁰ Там же. С. 48.

⁴¹ Там же. С. 49.

⁴² Там же. С. 50.

сутствуют, как показал В.С. Ольховский, и на курганах сако-массагетских племен (плато Усть-Урт в Казахстане). Деревянные чаши с золотыми обкладками есть, например, в Филипповке (Приуралье). Погребения в катакомбах появляются в степной Скифии в массовом порядке лишь в конце V в. и особенно в IV в. до н.э. А как же с предыдущими веками? Это что, смена населения или смена идеологии? Погребения коней в отдельных могилах – черта, свойственная самым богатым скифским захоронениям степи, отсутствует в лесостепи: там налицо только имитация, а именно конская сбруя (один или несколько наборов). Нет в лесостепи и шумящих наверхий в могилах скифской эпохи.

Приведу еще одно важное высказывание С.А. Скорого по поводу шатровых конструкций в погребальном обряде ираноязычных степняков: «Среди захоронений с деревянной конструкцией выделяется группа могил, степное происхождение которых не может быть поставлено под сомнение. Речь идет о так называемых шатровых надмогильных конструкциях (имеющих коническую или пирамидальную форму). Высказано мнение, что шатровидные сооружения возводились над могилами лиц, обладавших сакральным могуществом, т.е. имевших высокий социальный статус. По-видимому, вполне справедливо считать, что появление могил с подобными конструкциями на территории восточноевропейской Лесостепи в скифское время, генетически не связанных с погребальной практикой автохтонного населения, может указывать на присутствие в данном регионе иранского (в данном случае – скифского) населения»⁴³.

Остается лишь полностью согласиться с мнением украинского коллеги и сказать, что на Среднем Дону такие шатровые сооружения присутствуют в достаточно большом количестве и именно в самых богатых и социально значимых захоронениях: в кургане № 1 у с. Дуровка⁴⁴ и в кургане № 7 у с. Колбино⁴⁵.

Все материалы по погребальному обряду населения Среднего Дона в скифское время обобщены и проанализированы Е.И. Савченко⁴⁶. Но прежде чем обратиться к его выводам, я вновь сошлюсь на С.А. Скорого, который предлагает объединить общеранские и сугубо скифские признаки погребального обряда и использовать их для выделения «скифского компонента» в автохтонной среде Лесостепи. Это вал вокруг кургана (на Среднем Дону из-за разрушения курганов в результате распашки эта черта не прослеживается); кольцевой ровик в основании кургана (характерная черта среднедонского погребального обряда); кольцевой вал (из материковой глины. – В.Г.) вокруг могилы, обложенный сверху деревом, травой, камышом (кольцевой вал вокруг могилы – типичная черта среднедонских курганов V–IV вв. до н.э.); шатровая надмогильная конструкция (об этом шла речь выше); сжигание или поджигание деревянного могильного сооружения (типично и для Среднего Дона); захоронение умершего на подстилке растительного происхождения (присутствует и в среднедонских погребениях); помещение под голову покойного подушки растительного происхождения (пока на Среднем Дону не прослежено); положение покойного на деревянный настил, носилки и т.п. (есть очевидные случаи, когда погребение не разрушено, например, курган № 4 у с. Терновое); помещение в могилу конской упряжи (типичная черта всех среднедонских могильников скифского времени: число наборов – от одного до четырех); насильственное умерщвление коня (на Среднем Дону этой черты нет); жертвенная мясная пища (типиальная черта погребального ритуала воронежских курганов V–IV вв. до н.э.); положение в могилу металлического котла (многократно отмечено во всех среднедонских курганных могильниках); наличие серы, реальгара (не отмечено?); каменные блюда, плитки (есть отдель-

⁴³ Там же. С. 52.

⁴⁴ Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001. С. 204–216.

⁴⁵ Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001. С. 28–29.

⁴⁶ Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001. С. 53–143.

ные случаи – курган № 5 у с. Терновое); деревянные чаши с оковками из золота и серебра (встречаются в среднедонских курганах многократно, причем не только в богатых мужских захоронениях, но и в могилах «амазонок»⁴⁷).

После тщательного анализа погребального обряда около 50 раскопанных курганов могильника у сел Терновое и Колбино на Воронежщине и сопоставления этих материалов с другими среднедонскими могильниками скифского времени Е.И. Савченко пришел к заключению, что «прослеженные в могильнике элементы деревянных конструкций и детали погребального обряда: кольцевые ровики за пределами насыпи кургана; выкид из ямы, уложенный вокруг могилы; надмогильные перекрытия, иногда с дополнительной крышей в виде «шатра»; наличие мясной напутственной пищи, изредка в металлической посуде (бронзовых котлах. – В.Г.); присутствие конской упряжи, символизирующей погребение коня или коней; строительство гробницы на горизонте и поджигание ее с ритуальной целью – относятся к погребальному обряду иранских кочевников (курсив мой. – В.Г.). Эти элементы и детали получили широкое распространение в VII–IV вв. до н.э. в погребальных обрядах многих культур Евразии, как в Степи, так и Лесостепи.

Устройство в обширных ямах столбовых гробниц в виде склепов с вертикальной деревянной облицовкой, сооружение каркасно-столбовых склепов с горизонтально уложенными стенами из дерева или камыша на уровне древнего горизонта тяготеют не к погребальным сооружениям степных скифов IV в. до н.э., а к деревянным каркасно-столбовым конструкциям Правобережного и Левобережного Поднепровья.

Сопровождение погребенных полным набором инвентаря в виде скифской паноплии, определенный состав бытовых заупокойных даров, украшений и принадлежностей женского туалета является общескифской чертой погребального обряда»⁴⁸.

Теперь вернемся к вопросу об элитарной культуре верхов Скифии и о том, можно ли использовать так называемые «престижные» предметы для решения некоторых общих проблем скифологии. Странное дело, когда мы говорим о культуре древнего Египта, Месопотамии, Рима или средневековой Европы, то олицетворением, квинтэссенцией ее является именно культура элиты общества, реальные воплощения которой были сосредоточены в древние времена во дворцах и храмах, а в средневековье – во дворцах знати, в соборах и монастырях. И хотя в ее создании почти всегда принимали участие самые разные (в том числе и чужеземные) силы и таланты, нетрудно увидеть различие древнеегипетской и древнемесопотамской, древнегреческой и древнеримской культур. Так почему же элитарная культура в скифскую эпоху должна была обязательно быть «наднациональной», «импортной» и «надкультурной». В чьих погребениях встречаем мы предметы вооружения и конской сбруи? Ответ ясен – в курганах знати и военно-дружинной верхушки. В свое время А.И. Шкурко и А.М. Хазанов убедительно доказали, что воплощение скифского искусства звериного стиля в конкретных вещах было связано главным образом с аристократическими кругами скифов⁴⁹. И совсем не случайно, что как раз в могилах скифской знати мы находим львиную долю изделий в зверином стиле. Таким образом, если отбросить синкретическую и «импортную» культуру скифских верхов, то мы лишимся большей части наиболее ярких культурных достижений этих ираноязычных племен в VII–IV вв. до н.э.

Еще в начале XX в. М.И. Ростовцев высказал мнение, что в конце V – IV в. до н.э. на всей территории Скифии, от Дуная до Дона, как в Степи, так и в Лесостепи существовала единая элитарная культура военно-аристократических кругов. Но ведь именно эти военно-аристократические круги и определяли истинное лицо Скифии в этот период. Именно они управляли страной и получали в свое распоряжение основные материальные ресурсы. И если удастся доказать единство «культуры верхов» у скифов от Дуная до Дона, в Степи и Лесостепи, то это и есть главный аргумент в пользу наличия у ски-

⁴⁷ Скорый. Ук. соч. С. 53.

⁴⁸ Савченко. Могильник скифского времени... С. 130–131.

⁴⁹ Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 180.

фов и подвластных им племен единого военно-политического объединения – государства, где все знатные лица, занимавшие те или иные должности, для успешного выполнения своих функций получали «сверху» (от центральной власти) или приобретали сами определенный набор «престижных» предметов (ритуального, социального и военного назначения), практически одинаковый на всей огромной территории Скифии. В число этих вещей входили золотые и серебряные пластины-обкладки горитов с изображениями определенной тематической направленности, парадные мечи «чертомлыцкого» типа, шаровидные кубки и ритоны из драгоценных металлов, деревянные чаши с золотыми обкладками, золотые гривны, золотые оплетки нагаек, определенный набор оборонительного и наступательного вооружения, (в том числе и импортного).

Несколько слов об еще одном интересном феномене в скифской культуре IV в. до н.э. – так называемой «фракийской моде» в украшениях конской узды высшей знати Скифии. В 2000 г. при раскопках Потуданской археологической экспедицией у с. Колбино в кургане № 2 были обнаружены интересные украшения конской сбруи – две серебряные литые фигурные бляхи с петлей на обороте, являвшиеся нащечниками. На одной из блях изображена голова стилизованного животного в профиль с широко раскрытой пастью, заполненной завитками или волютами. Заднюю сторону и верх головы обрамляет изящная фигура гиппокампа. На другой можно различить, хотя и в сильно стилизованном варианте, еще один типичный для скифского искусства V–IV вв. до н.э. мотив – бедро и пару ног животного. Что касается первой бляхи-нащечника, то ее общий стиль и отдельные характерные детали явственно указывают на принадлежность к предметам так называемого «скифо-фракийского круга». Ближайшей аналогией этой бляхе следует считать серебряные нащечники с гиппокампами от уздечного набора № 1 конской могилы № 1 в кургане Хомина Могила (курган № 13) близ г. Орджоникидзе на Украине, в степном Поднепровье⁵⁰. Эти детали конского убора Б.Н. Мозолевский считал фракийскими и датировал концом IV – началом III в. до н.э.

Колбинская находка заставила меня внимательнее отнестись к вопросу о возможном влиянии фракийского искусства на среднедонскую культуру скифского периода, и осязаемые следы такого влияния были вскоре найдены. Речь идет о наборе серебряных украшений конской узды из кургана № 11 группы «Частые курганы» под г. Воронежем (раскопки ВУАК): налобник в виде скульптурной головы барана (или «барано-грифона») на плоском серебряном щитке и два нащечника со сложной резной композицией, напоминающей медвежью лапу. Узор нащечников по стилю очень похож на аналогичные предметы конского убора из Краснокутского кургана⁵¹. Налобник же имеет многочисленные аналогии в конских захоронениях из наиболее богатых и даже «царских» курганов степной Скифии таких, как Огуз, Чертомлык, Чмырева Могила, Толстая Могила, Козёл, Александрополь. Такие же серебряные налобники известны в наиболее роскошных погребениях фракийской аристократии, например, Аджигиоль и Крайова⁵². Ведется спор по поводу того, кто изготовлял серебряные наборы для конской узды – фракийские ли мастера по своему разумению или сами скифы в подражание фракийским образцам. Но очевидно одно: в IV в. до н.э. (речь идет об очень коротком периоде: середине – второй половине века) по всей Скифии, от Дуная до Дона, в высших кругах местной знати неожиданно распространилась «фракийская мода» на украшения парадных конских уборов.

Следует особо остановиться на роли деревянных чаш с золотыми обкладками у скифов. Из письменных источников, главным образом Геродота, и на основании изобразительного искусства – каменных антропоморфных стел и других археологических нахо-

⁵⁰ Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев, 1972. С. 216–218. Рис. 27.

⁵¹ Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем (раскопки Воронежской ученой архивной комиссии – 1910–1915 гг.) // СА. 1946. VIII. С. 42.

⁵² Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. Рис. 4–5, 7.

док – хорошо известно, что разного рода кубки, ритоны и чаши играли важную роль в ритуалах и в общественной жизни скифского населения Северного Причерноморья. По свидетельству Геродота (IV. 66), правители округов Скифии – «номархи» – ежегодно устраивали большие пиры, на которых чествовали и поили вином доблестных воинов: убивший на поле боя врага получал в награду чашу с вином, а тот, кто уничтожил несколько неприятельских воинов, наделялся сразу двумя чашами с этим напитком. Чаща выступает в качестве одного из атрибутов верховной царской власти (ср. легенды о происхождении скифов: золотые дары, в том числе чаша, упавшие с небес). Как символ определенного социального (и, видимо, воинского) ранга чаши изображались на каменных изваяниях. Чаши часто находят в наиболее богатых и социально значимых курганных погребениях в степных и лесостепных областях Скифии. Речь при этом идет не столько о серебряных и золотых сосудах, сколько о деревянных чашах с золотыми обкладками. Об особо бережном к ним отношении и почитании говорит то, что во многих случаях старые и треснувшие деревянные чаши чинили, скрепляя золотой, серебряной или бронзовой проволокой. Таким образом, все имеющиеся у нас данные свидетельствуют о том, что деревянные чаши с золотыми обкладками были «престижными» предметами, указывавшими на ранг их владельца⁵³. «По-видимому, – отмечает Е.Ф. Королькова, – можно с уверенностью говорить об отношении специфической группы сосудов (речь идет главным образом о деревянных сосудах с золотыми обкладками. – В.Г.) к ритуальной сфере, связанной с системой обрядов, представлений и верований ранних кочевников... Весьма интересно, что индоиранская ритуальная практика характеризуется особым отношением именно к деревянной посуде»⁵⁴.

Конечно, считая такие сосуды только специфической чертой скифской культуры, как полагает С.А. Скорый, не совсем верно: ведь деревянные чаши с золотыми обкладками встречаются в V–IV вв. до н.э. на обширных пространствах от Алтая (Туэкта) и Южного Урала (Первый Филипповский курган) до Дуная. Но то, что эта особенно почитаемая посуда появилась и существовала исключительно в среде родственных племен ираноязычных кочевников – непреложный факт.

Хотелось бы обратить внимание и еще на один немаловажный момент. Впервые в истории раскопок захоронений скифского времени на Среднем Дону нам удалось установить, что в 6-ти из 49-ти исследованных курганов у сел Терновое и Колбино (в 90 км к югу от Воронежа) были погребены вооруженные молодые женщины из знатных семейств. Обычный набор оружия (пара дротиков, копье, лук и стрелы с бронзовыми и железными наконечниками), дорогие ювелирные украшения греческого производства и чисто женские предметы обихода – бронзовые зеркала, серьги, бусы, пряслица из глины и др., а также сам масштаб погребальных сооружений и пышность похоронного ритуала – все это вполне сопоставимо с уже известными курганами скифской аристократии в степной зоне и в лесостепи. Не исключено, что такие погребения женщин-воительниц встречались в воронежских курганах и прежде, но в условиях, когда скелеты в могилах сильно потревожены грабителями (а все скифские среднедонские захоронения, как правило, ограблены еще в древности) или же плохо сохраняются в силу местных природных условий (повышенная влажность почвы и др.), определить пол и возраст покойника по нескольким уцелевшим костям, без участия специалистов-антропологов, сами археологи были не в состоянии. Между тем открытие захоронений «амазонок» на Среднем Дону имеет вполне определенное значение. Благодаря работам В.А. Ильинской⁵⁵ и Е.Е. Фиалко⁵⁶, собравших и обобщивших весь доступный материал о погребениях во-

⁵³ Бессонова С.С. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере у скифов // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев, 1991. С. 87–88.

⁵⁴ Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 28–29.

⁵⁵ Ильинская. Скифские курганы...

⁵⁶ Фиалко Е.Е. Погребения женщины с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

оруженных женщин в скифских курганах степного и лесостепного Северного Причерноморья, сейчас можно сделать и некоторые общие выводы относительно значимости столь необычного феномена в жизни скифского общества. По сведениям Е.Е. Фиалко, подобных захоронений только в Европейской Скифии известно 112, что заметно превосходит количество женских могил с оружием, выявленных у савроматов Поволжья и Приуралья, всегда считавшихся (со слов Геродота) главными в определении местонахождения амазонок. И это – явно общескифское явление. Большинство вооруженных скифянок (в тех случаях, когда были произведены антропологические определения) относились к возрастной группе от 16 до 30 лет (69% от общего числа). Почти все учтенные погребения женщин с оружием принадлежали аристократическим слоям скифского общества, о чем свидетельствует набор погребального инвентаря, характер и размеры погребальных сооружений амазонок.

Вряд ли эти молодые женщины-воительницы из Скифии были во всем похожи на описанных Геродотом «дев-мужеубийц» у савроматов. Скорее, здесь следует говорить об участии в конных легковооруженных (лук и стрелы, дротики, копья) вспомогательных отрядах определенных возрастных и социальных групп скифских женщин. Они охраняли имущество, скот, жилище, когда мужчины-воины уходили в военные походы или в длительные сезонные перекочевки со стадами скота.

Но отсюда вполне логично вытекает и еще один важный вывод: если во всех частях Европейской Скифии, – в степных и лесостепных областях между Дунаем и Доном – встречаются аналогичные погребения молодых женщин с оружием, имеющих достаточно высокий социальный статус и характерный набор вещей (как чисто женских, так и предметы вооружения), то следует признать факт тесной культурной (и, видимо, политической) связи между населением степи и лесостепи Северного Причерноморья в V–IV вв. до н.э. Такой необычный и специфический феномен, как «институт амазонок», мог существовать в скифскую эпоху только у ираноязычных кочевых и полукочевых племен Восточной Европы – у скифов и родственных им савроматов, живших в задонских и заволжских степях вплоть до Южного Урала.

В заключение представляется уместным дополнить аргументы в пользу присутствия скифов на Среднем Дону в V–IV вв. до н.э. данными естественных наук и топонимики.

Данные антропологии

На основе анализа костных остатков 75 индивидов из курганного могильника скифского времени у сел Терновое и Колбино на Воронежщине антрополог М.В. Добровольская пришла к следующим выводам: «Палеодемографические характеристики указывают на ярко выраженный *кочевой образ жизни населения* (курсив мой. – В.Г.), на специфическую социальную роль женщин, в известном смысле приближенную к мужской (одинаковое питание мальчиков и девочек, мужчин и женщин; “амазонки”. – В.Г.). Единичные краниологические данные указывают на более вероятное сближение описываемой среднедонской группы со степными вариантами, нежели лесостепными. Крупные размеры длинных костей посткраниального скелета характерны для населения евразийских степей раннего железного века... Проведенные работы с материалами памятников Колбино и Терновое, позволяют характеризовать “курганное” население *как степное* (курсив мой. – В.Г.)... с демографическими особенностями, типичными для кочевого населения, достаточно высокими показателями качества жизни, структурой питания кочевого скотоводческого общества»⁵⁷. И далее: «Несмотря на неполную сохранность антропологических материалов, в большинстве случаев были определены пол и возраст погребенных. Полученная информация позволяет составить представление о продолжительности жизни населения. Средняя продолжительность жизни мужчин приближается к 36 годам, а женщин – к 33. Эти цифры можно рассматривать как

⁵⁷ Добровольская М.В. К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. М., 2004. С. 81–89.

свидетельство достаточной ранней смерти большинства погребенных в курганах, а отсутствие следов тяжелых заболеваний на скелетах склоняет к мнению о том, что гибель этих людей была связана с различного рода военными столкновениями... Реконструкция мускулатуры, основанная на описании развитого костного рельефа, дает основание полагать, что для мужчин были типичны большие физические нагрузки на мышцы шеи, спины, плеча, груди – то есть именно те мышцы, которые работают при стрельбе из лука, метании копья или дротика. Эту реконструкцию можно рассматривать как еще одно независимое доказательство того, что многие из погребенных были воинами. Но практически равное количество погребенных мужчин и женщин свидетельствует в пользу того, что исследуемый памятник не был местом погребения представителей какой-либо социальной группы (например, воинов) и что это – родовое или племенное кладбище»⁵⁸.

Данные палеозоологии

Палеозоолог Е.Е. Антипина изучила весь доступный по Среднему Дону скифской эпохи остеологический материал, в том числе кости животных из шурфов городищ Мостище I и Архангельское, раскопов городища Россошки I и кости животных из курганов могильника Терновое I – Колбино I. Она пересмотрела по новой методике старые коллекции со среднедонских городищ из раскопок П.Д. Либерова (1950–1960-е годы). Было установлено, что во многих городищенских комплексах на первом месте оказалась лошадь (т.е. мясо лошади как пищи местного населения) – Кировское городище (46,5% всех костей), Волошинское (52,5%) и Русская Тростянка (57,5%)⁵⁹.

Не менее интересны выводы по могильнику. «Археозоологическое исследование остеологических материалов из могильника Терновое I – Колбино I, проведенное путем подробного изучения и анализа всей биологической и части археологической информации, выявило неодинаковое значение разных видов животных и особенности их использования в погребальном обряде. Прежде всего на основе доминирования остатков лошади в погребальных комплексах была показана ее огромная роль как ритуального животного. По этой характеристике материалы изучаемого могильника действительно оказываются похожими на погребальные памятники степных регионов»⁶⁰. Е.Е. Антипина заключает, что «скотоводство было вполне эффективной и масштабной отраслью хозяйства скифского населения на территории Среднего Дона... Результаты исследования химического состава костной ткани скелетов погребенных в могильнике Колбино I не противоречат молочному и маломясному типу питания населения Среднего Дона... Аналогичные особенности диеты обычно характеризуют подвижное скотоводческое население во всем мире, что, в свою очередь, указывает на вероятность существования подобной экономики, в частности, скотоводческой деятельности, у скифского населения Среднего Дона»⁶¹.

Данные палеоботаники

Палеоботаник Е.Ю. Лебедева основывает свои выводы на изучении отпечатков зерен на керамике (с городищ и из курганов) и на той органике (в том числе и карбонизированных зернах), которая была получена при промывке культурного слоя (флотация) некоторых поселений скифской эпохи с территории Среднего Дона. «На основании анализа отпечатков, – пишет она, – можно составить представление о так называемом общескифском палеоботаническом комплексе. Доминирующим в нем является просо

⁵⁸ Гуляев В.И., Козловская М.В., Савченко Е.И. О предварительных итогах работ Потуданской археологической экспедиции в 1993–1995 гг. // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Археология Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж, 1997. С. 108.

⁵⁹ Антипина Е.Е. Археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001. С. 171–172.

⁶⁰ Там же. С. 185.

⁶¹ Антипина Е.Е. Остеологические материалы из скифских памятников на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004. С. 117–118.

(*Panicum miliaceum*) – 84%. Для ячменя – второго по значимости растения – составляет 9.6%, а совокупная доля пшеницы – всего 5.2%. Сравнение отпечатков на керамике степных и лесостепных скифских памятников обнаруживает принципиально сходные палеоботанические комплексы, различающиеся лишь удельным весом отдельных полевых культур»⁶².

Керамика из курганных насыпей и могил у сел Терновое и Колбино также несет на себе многочисленные следы отпечатков культурных злаков. «Причем в некоторых случаях создается впечатление, что они оставлены намеренно. Прежде всего здесь следует отметить курильницу из погребения 1 кургана № 36 (у с. Колбино. – В.Г.)... Отпечатки проса (не менее 10 экземпляров зерновок без пленок) зафиксированы только на поверхности этого сосуда... Очень много образцов зерновок найдено и на лепном кувшине из погребения 1 кургана № 40, Колбино. Подавляющее их большинство принадлежит просу»⁶³. Для сравнения можно указать, что набор злаковых растений из промывки культурного слоя на степном Каменском скифском городище V–IV вв. до н.э. состоял из проса (51%), ячменя и полбы (пшеницы-двузернянки). На среднедонском городище Мостище флотация слоя выявила долю проса среди прочих злаковых в 57%. На скифской керамике отпечатки проса составляют свыше 80% всех злаковых⁶⁴. На Мотронинском городище в правобережной Днепровской Лесостепи были получены совершенно аналогичные результаты: среди культурных растений абсолютно преобладало просо (392 отпечатка из 419 изученных отпечатков зерновых на керамике) – более 93%, далее шли ячмень пленчатый многорядный (21 отпечаток) и пленчатая пшеница-полба⁶⁵.

«Применительно к скифскому времени о широком распространении проса, – отмечают авторы раскопок на городище С.С. Бессонова и С.А. Скорый, – говорят количественные данные по отпечаткам проса на керамике и остатки самих зерен проса, например, на Трехтемировском городище в Поросье, Басовском городище в Посулье, Книшовском городище на Псле, и др. ... В видовом отношении преобладало просо и среди культурных растений, возделываемых в степной зоне Ссеверного Причерноморья»⁶⁶.

Данные топонимики

В гидронимии региона Среднего Дона немало древнеиранских названий. Термин «дон» («дан»), река Дон – от иранского *dani* – «река», «вода», термин «Потудань» (правый приток Дона) также имеет древнеиранское (вероятно, скифское) происхождение. В «Книге Большому Чертежу» (начало XVII в.) эта река названа «Потудон». Исходя из скифо-осетинского словаря В.И. Абаева, М.И. Карагодина переводит данное слово как «Путь-река», «Река вождей», «Царская река»⁶⁷.

Ираноязычность обитателей Приднепровской Лесостепи в скифскую эпоху считает очевидной и украинский ученый М.Н. Подгайный. «Вопрос об этносе и языке населения лесостепи, – пишет он, – истина, скорее всего, находится между крайними точками зрения. Лесостепные скифы могли обладать общескифским этническим самосознанием и считать себя частью единого народа Геродотовой Скифии. На это косвенно указывает текст Геродота: этноним “скифы” для жителей Северной Скифии, размеры “скифского квадрата”, географическая привязка его северной границы к верховьям Днестра и Южного Буга, противопоставление скифов как целого (в том числе и лесостепных) агафирсам»⁶⁸.

⁶² Лебедева Е.Ю. Палеоботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. С. 91–97.

⁶³ Она же. Итоги археологических исследований на Среднем и Нижнем Дону в 2001–2003 гг. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004. С. 121–122.

⁶⁴ Там же. С. 125.

⁶⁵ Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи. Киев-Краков, 2001. С. 116.

⁶⁶ Там же. С. 116.

⁶⁷ Карагодина М.И. Иранизмы в белгородской топонимике // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999. С. 117–118.

⁶⁸ Подгайный М.Н. К вопросу о языке и этносе лесостепного населения Геродотовой Скифии // Більске городище... С. 297.

Таким образом, исходя из имеющихся на сегодняшний день источников, есть все основания считать, что население степных и лесостепных областей Северного Причерноморья (несмотря на некоторые локальные различия в их культуре) входило в состав единого военно-политического объединения – Скифии, и дальней восточной окраиной этого Скифского государства была территория Среднего Дона. Этот вывод целиком укладывается в рамки той концепции, которую в свое время упорно отстаивали выдающиеся русские скифологи М.И. Ростовцев и А.И. Тереножкин.

DISPUTABLE PROBLEMS OF SCYTHOLOGY
(*On the Materials of the Don Region Archaeology*)

V. I. Gulyayev

The paper summarizes the discussion on some major problems in Scythology related to the archaeological material of the 5th and 4th cc. BC from the Don Region (middle and low reaches). Undoubtedly, this discussion (in the framework of the VDI «round table» in 2002–2004) proved to be very useful. The discussion was shared by specialists connected immediately with the study of the Don antiquities of the Scythian period: from Voronezh (V.D. Berezutsky and A.P. Medvedev), Rostov-on-the-Don (V.P. Kopylov, V.Ye. Maksimenko), Volgograd (A.S. Skripkin) and Moscow (V.I. Gulyayev and V.A. Korenyako). It is only natural that the contributors have not reached a consensus in discussing the disputable questions. However, the greatest part of scholars agree that in the 5th and 4th cc. BC on the vast steppe and forest-steppe territories of the North Black Sea area from the Danube to the Don region existed a large military and political union «The European Scythia». In spite of the presence of other ethno-cultural groups of different economical structure, Scythian nomads played a leading role in this state and inhabited all its territories.